

Кирей почувствовал, что у него отпала челюсть, с ужасом наблюдая, как огненный шар, поглотивший поместье Тосака, озарил ночное небо, словно фейерверк, но без шума, а драгоценное Ограниченное поле Токиоми, по иронии судьбы, выполняло свое предназначение, не давая непосвященным ничего заметить.

Добавьте к этому тот факт, что особняк был изолирован даже от других членов 'Района высшего класса', в котором его построили предки Токиоми, и маловероятно, что кто-то заметит его разрушение до возвращения семьи Токиоми.

"Рин убьет меня..." - мелькнула у него мысль, но Кирей не придавал этому значения, так как вряд ли он боялся шестилетней девочки, даже если она была вундеркиндом, способным владеть всеми пятью классическими элементами, используемыми в магии.

Как Маг, Кирей уже давно превзошел наследника Токиоми, главу Тосака, точнее, покойного главу, признав его своим старшим учеником после всего лишь трех лет обучения, что неслыханно раздражало его блудную дочь.

"Неплохое шоу". Ассасин заметил, что его явно позабавила реакция Кирея на это зрелище, что вывело младшего Котомине из оцепенения, и он в ошеломлении уставился на своего загадочного слугу: "Ты согласен, Кирей?"

"...с чем?" Кирей потребовал, часть его души не могла не задрожать от того, что слуга использовал его имя вместо того, чтобы называть его "Хозяин", как он делал раньше, а Исполнитель, превратившийся в Мага, не мог не смотреть на своего слугу в шоке и, как бы ему не хотелось это признавать, благоговения: "Что ты сделал?"

"В отличие от Токиоми, я не сидел сложа руки последние три года". Пока он обучал тебя и Рин искусству магии, я знакомился с планом его особняка, в частности, с внутренним устройством его Ограниченного поля и расположением его запасов драгоценностей".

Кирей вздрогнул, вспомнив, как однажды Токиоми показал ему это хранилище - результат того, что три поколения Тосака передали свою силу в драгоценные камни, готовясь к предстоящей Четвертой войне Святого Грааля. Накопленной стоимости драгоценных камней хватило бы, чтобы покрыть расходы на жизнь нормальной семьи, не состоящей из магов, в течение нескольких поколений, а праны в каждом отдельном камне было столько, что хватило бы на разрушительное заклинание А ранга.

Короче говоря, взорвав запас Токиоми, ассасин не просто взорвал поместье Тосака, он взорвал магический эквивалент тактической ядерной боеголовки прямо под ногами Токиоми.

Даже если бы Гильгамеш в тот момент был в астральной форме, в чем Кирей сильно сомневался, учитывая, что план Токиоми полностью полагался на то, что Гильгамеш будет виден, чтобы подчеркнуть силу своего Слуги, огромное количество нестабильной разрушительной магической энергии стерло бы Короля Героев из этого мира во второй раз, или, по крайней мере, ранило бы его настолько, что даже Ассасин смог бы справиться с ним,

если бы правильно разыграл свои карты.

"Дальше дело оставалось за малым - пронести в дом необходимые взрывчатые вещества и установить их в ключевых местах". Ассасин продолжил: "Из-за отсутствия у Токиоми технических знаний, ему и в голову не пришло проверить свой дом на наличие каких-либо ловушек, кроме тех, что он сам расставил." Он наклонил голову так, что ошеломленные черты Кирея отразились на поверхности его маски: "Надеюсь, все прошло успешно, Кирей?"

Так и есть. Несомненно. Несмотря на то, что это нарушило весь план, который Токиоми и его отец тщательно разрабатывали, Кирей был потрясен, но не мог отрицать странного чувства удовлетворения, которое наполнило его при виде того, как махинации главы Тосака были сведены на нет одним действием его Слуги.

Действительно, он был настолько поражен этим чувством, что даже не смог заставить себя прогнать кошмарную мысль о том, что, возможно, было бы приятнее убить самого Токиоми, хотя даже эта часть его души упивалась радостью от того, что именно его приказ заставил замолчать этого самодовольного урода.

Однако всему хорошему приходит конец, и Кирей, как человек из рода, приучил себя не только не поддаваться искушению, но и не предаваться излишним удовольствиям, которые Господь не запрещал, поэтому ему с минимальными усилиями удалось обуздать свои чувства и придать своим чертам привычную маску спокойной незаинтересованности.

"Отец будет очень недоволен". отметил он, хотя, даже говоря это, он не мог сдержать удивления по поводу того, как мало, казалось, его волнуют чувства старшего Котомине по этому вопросу. Действительно, его богохульная часть, казалось, почти жаждала увидеть, как его сир отреагирует на откровение о смерти Токиоми. "Этим мы разрушили весь наш план".

"Не обязательно". Кирей повернулся, чтобы проследить за его взглядом, но не успел моргнуть, как увидел второго ассасина, в мантии и все такое, убегающего с места преступления с луком в одной руке и тлеющим трупом Токиоми, перекинутым через плечо, как мешок с картошкой.

"Почему вы так удивлены, мастер?" Ассасин усмехнулся: "В конце концов, разве не "общеизвестно", что члены класса ассасинов традиционно являются воплощениями Хассана иль Саббаха, коим я, как видно, не являюсь?" Он наклонил голову в сторону второго ассасина вниз: "Учитывая это, а также тот факт, что, за исключением Основателя, большинство ассасинов вряд ли можно назвать бойцами первой линии, не нужно быть гением, чтобы представить себе исход боя с участием Лучника, одного из трех классов рыцарей".

"Понятно..." Кирей задумался, не в силах сдержать одобрение, которое он испытывал по поводу хитрости своего Слуги, проскользнувшее в его тоне, даже когда он старался сохранить спокойное выражение лица, предпочитая наблюдать за тем, как второй ассасин, с трупом Токиоми в руках, перепрыгнул через пограничную стену и скрылся в лесу. "Люди будут считать, что "Лучнику" удалось спасти Токиоми, а так как Слуги могут чувствовать, когда один из них умер, они будут считать, что "ассасин" был убит в битве."

"Действительно." Ассасин подтвердил, одобрительно кивнув интуиции своего Мастера. "Более того, после потери его оперативной базы, другие мастера будут искать Токиоми вместо того, чтобы сосредоточиться на тебе. А взяв на себя роль "Лучника", я смогу выманить других слуг, нацелившись на других мастеров, которые, несомненно, ослабят свою охрану после смерти "ассасина", оставив их широко открытыми для того, чтобы вы могли расправиться с ними в свое удовольствие."

"Как предусмотрительно с твоей стороны." Кирей задумался, с удивлением обнаружив, что улыбается перспективе беспрепятственной охоты на других Мастеров, чего он был бы лишен, если бы следовал сценарию Токиоми. "Ты, должно быть, был неплохим тактиком в жизни, раз придумал такой план".

"Можно и так сказать." Ассасин признал, что его тон забавен, даже когда он повернулся лицом к "другому" ассасину, который, как отметил Кирей, был выше ростом, обладал более мускулистым телосложением и был одет в черную версию фиолетового костюма Слуги "Я надеюсь, все прошло по плану?"

"Лучник мертв." Двойник подтвердил, заслужив от Кирея удивленный взгляд на другой голос, прозвучавший из-под маски, с намеком на японский акцент. "Ему удалось увести с собой нескольких из нас, но в конце концов его собственный статус короля стал его гибелью".

"А разве так не всегда бывает?" Ассасин задумался, заслужив улыбку Кирея, а Слуга и его двойник разделили забавную усмешку, прежде чем главный герой властно взмахнул рукой: "Направляйтесь к церкви Фуюки, но идите длинным путем, чтобы сбить с толку возможных шпионов".

"Да, Ваше Величество", - подтвердил двойник, хотя Кирей не мог не заметить намек на молчаливую насмешку в его тоне, прежде чем он отпрыгнул от них, направляясь в сторону Фуюки таким вопиющим образом, что это было бы невозможно проигнорировать знакомым другого Мастера.

"Отпусти нас, Кирей". приказал ассасин, поворачиваясь на пятках и переходя обратно в Астральную форму, а младший Котомине смотрел ему вслед в созерцательном молчании. Да и как он мог не смотреть? За одну ночь все его мировоззрение было перевернуто с ног на голову невозможным Слугой, которого он вызвал с явной целью пожертвовать собой ради целей другого.

Слуга, вспоминал он, не был похож ни на что из того, что было зафиксировано в современной истории.

"Это... будет интересно...", - сделал вывод младший Котомине, кивнув головой, когда начал долгий путь обратно в церковь Фуюки, подсознательная "пружинистость" в его шаге, которую он старательно игнорировал. Воистину.